

Вѣра въ демоновъ въ древней церкви и борьба съ ними.

Одной изъ характерныхъ и поражающихъ своей особенностью сторонъ того эллинскаго міросозерцанія, среди котораго вращалось первоначальное христіанство, является вѣра въ демоновъ, въ вездѣприсутствіе ихъ, въ постоянное воздѣйствіе ихъ на міръ, исторію и человѣка. Вѣра въ демоновъ, конечно, свойственна всему человѣчеству на извѣстной стадіи его развитія, но то, что особенно поражаетъ изучающаго религіозное состояніе человѣчества во 2-мъ и 3-мъ вѣкахъ,—это не только необыкновенная распространенность ея, но главнымъ образомъ то наблюденіе, что изъ низшихъ, темныхъ слоевъ общества, она проникла въ высшіе, интеллигентные круги его, стала обсуждаться съ такою же серіозностью, какъ и всѣ другіе научные вопросы, и въ неоплатоническихъ системахъ сдѣлалась даже предметомъ философскаго изслѣдованія. Причину этого явленія отгадать не трудно; ее нужно искать въ тѣхъ историческихъ особенностяхъ, въ какія поставлена была индивидуальная жизнь въ эпоху императоровъ. Довѣріе къ прежнимъ религіямъ исчезло, старыя устои жизни падали и на смѣну ихъ не появлялось ничего новаго. „Личность стала чувствовать себя свободной и независимой и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственной за свое существованія. Не обуздываемая никакимъ опредѣленнымъ авторитетомъ, она блуждала среди безжизненныхъ обломковъ разорванныхъ на куски преданій охваченнаго упадкомъ міра, хватаясь то за одно, то за другое, пока наконецъ на находила себѣ успокоенія въ области самаго абсурднаго или не заботѣвала имъ ¹⁾“.

¹⁾ Ср. Наше изданіе: „Проф. Гарнакъ. Религіозно-нравственныя начала христіанства въ историческомъ ихъ выраженіи“. Переводъ проф. Спас-

Древніе христіане не только вполнѣ раздѣляли эту вѣру въ демоновъ, но обосновали ее на Св. Писаніи и выработали, можно сказать, цѣлую теорію демонологіи, при чемъ,—замѣчательный фактъ!—творцами и защитниками этой теоріи явились такіе высоко-культурные люди того времени, усвоившіе себѣ всю современную науку, какъ Іустинъ философъ, Таціанъ и Тертулліанъ. Наиболѣе подробное и обстоятельное изложеніе ученія о демонахъ, ихъ природѣ и дѣйствіяхъ даетъ послѣдній изъ названныхъ писателей Тертулліанъ. „Мы христіане,—говоритъ онъ ¹⁾,—утверждаемъ существованіе извѣстныхъ духовъ. Также и имя ихъ не ново. Философы знаютъ демоновъ, такъ какъ и самъ Сократъ совѣщался со своимъ демономъ. И естественно!—вѣдь демонъ сопутствовалъ ему съ дѣтства, отвлекая конечно отъ добраго духа. Всѣ поэты признаютъ ихъ, а также и необразованный народъ часто произноситъ имена ихъ при клятвѣ, призывая при этомъ и сатану, князя этого порочнаго общества. Душѣ же знаніе о нихъ прирождено; бытія ангеловъ не отрицаетъ и самъ Платонъ... Но только изъ Св. Писаній можно узнать дѣйствительное происхожденіе ихъ,—какъ отъ ангеловъ, развращенныхъ собственной виной, возникъ еще болѣе развращенный родъ демоновъ, осужденныхъ Богомъ вмѣстѣ съ виновникомъ, котораго выше мы назвали княземъ. Здѣсь достаточно указать ихъ дѣйствія, которыя единственно своею цѣлю имѣютъ развращеніе людей. Съ самаго начала злота этихъ духовъ господствовала надъ гибелью человѣка. Въ нихъ заключается причина болѣзней и несчастныхъ случаевъ всякаго рода, и въ особенности внезапныхъ и чрезвычайныхъ потрясеній, сильно ослабляющихъ душу. При этихъ нападеніяхъ на душу и тѣло нужно отмѣтить ихъ тонкость и легкость. Будучи невидимы и недоступны наблюденію, эти духи даютъ себя знать, правда, не

скаго. Харьковъ. 1907; гл. 3: борьба противъ демоновъ въ древней церкви и *наше* прибавленіе къ ней по исторіи христіанскаго экзорцизма (стр. 60—79). Появленіе этого статьи вызвано рядомъ новыхъ и интересныхъ наблюденій, сдѣланныхъ нами при болѣе детальномъ изученіи вопроса и желаніемъ освѣтить его во всей полнотѣ, чего не удалось сдѣлать А. Гарнаку и чего онъ не имѣлъ въ виду уже по самой спеціальности своей задачи.

¹⁾ Apologet. с. 22. 23.

въ самомъ дѣйстви, но въ послѣдствіяхъ его, когда напр. необъяснимое, лежащее въ воздухѣ зло повреждаетъ древесныя и полевыя растенія въ самомъ ихъ цвѣтѣ, уничтожаетъ ихъ въ зародышѣ и губитъ во время созрѣванія, или когда испорченный по неизвѣстной причинѣ воздухъ извергаетъ приносящее заразу испареніе. Съ такой же таинственностью заразы дыханіе демоновъ и ангеловъ производитъ различныя болѣзни духа посредствомъ умоиступленія, сумашествія, позорныхъ и ужасныхъ пожеланій и различныхъ заблужденій, изъ которыхъ самое главное то, что душамъ, одержимымъ ими, они внушили считать ихъ за боговъ... И какое другое болѣе пріятное удовольствіе могло бы существовать для нихъ, какъ не то, чтобы посредствомъ ложныхъ обмановъ отвратить людей отъ мысли и познанія Бога? Какимъ образомъ возможны эти обманы я сейчасъ покажу. Каждый духъ крылатъ, а также слѣдовательно ангелы и демоны ¹⁾, и потому во мгновеніи ока они могутъ быть вездѣ. Весь міръ для нихъ одно мѣсто. Что и гдѣ случилось, они объ этомъ узнаютъ такъ же быстро, какъ и разглашаютъ. Быстрота ихъ принимается за признакъ ихъ божественности, такъ какъ (обыкновенные люди) существа ихъ не знаютъ. Чтобы сдѣлать себя нужными, они часто выдаютъ себя виновниками, того о чемъ только что разгласили. Въ отношеніи къ дурному они и на самомъ дѣлѣ являются виновниками его; что же касается до добраго, то они иногда умѣютъ проникнуть даже въ намѣренія Божіи,— для древняго времени посредствомъ рѣчей пророковъ, для новаго изъ чтеній священныхъ писаній. Изъ этихъ источниковъ они узнаютъ многое касающееся *будущаго* и подражаютъ Божеству, хотя только крадутъ даръ прозрѣвать будущее. Какъ они выполняютъ свою двусмысленную роль при оракулахъ, о томъ разскажутъ Крезъ и Пирръ. Такъ какъ они живутъ въ воздухѣ въ сосѣдствѣ звѣздъ, и стоятъ въ связи съ облаками, то они могутъ тотчасъ же узнать, что тамъ готовится, такъ что они получаютъ возможность

1) Читателя не долженъ удивлять этотъ матеріальный образъ выраженій Тертуліана объ ангелахъ и демонахъ. Какъ извѣстно, Тертуліанъ, подъ вліяніемъ стоической философіи, самое существо Божіе и душу человѣческую считалъ матеріальной.

обѣщать урожай, который они уже предчувствуютъ. Благодѣтельны они—и въ правду!—бываютъ они въ своихъ заботахъ о здоровьи (человѣка). Они сначала повреждаютъ, потомъ предписываютъ лекарство, непригодное или даже противоположное и такъ маскируютъ чудо; потомъ перестаютъ вредить и держать себя, какъ благодѣтели. Что еще я долженъ сказать о другихъ продѣлкахъ этого обманчиваго міра духовъ? долженъ ли я говорить о призракахъ Кастора, о кораблѣ, движимомъ на поясѣ, о бородѣ, вдругъ дѣлающейся рыжей—все это имѣется на сценѣ, чтобы считали камни за боговъ и не искали истиннаго Бога“.—Нѣкоторыя поправки въ это теоретическое ученіе, изложенное Тертуллианомъ, вноситъ Таціанъ. „Демоны,—утверждаетъ онъ,—не имѣютъ никакой плоти, но у нихъ духовный составъ на подобіи огня или воздуха; какъ лишенные плоти, они не могутъ умирать, хотя (нравственно) умираютъ всякій разъ, когда научаютъ грѣху своихъ послѣдователей; они суть сіяніе вещества и зла и природа ихъ не даетъ мѣста покаянію. Только тѣ, которые укрѣплены Духомъ Божиимъ (пневматики), могутъ видѣть тѣла демоновъ, всѣмъ же другимъ они недоступны. Впрочемъ и душевные (психики) могутъ видѣть демоновъ, когда послѣдніе являются къ людямъ, чтобы увѣрить ихъ въ своемъ существованіи... Они надѣлены такой силой, что могли бы разрушить и самое небо, если бы это было дозволено имъ ¹⁾“.—Такова въ общихъ

¹⁾ От. 12. 16. 17. С. Минуцій Феликсъ гл. 26: „есть живые нечистые духи, ниспадшіе съ небесной чистоты въ тину земныхъ страстей. Эти духи лишились чистоты своей природы, осквернивъ себя пороками и для утѣшенія себя въ несчастіи, сами уже погибшіе, не перестаютъ губить другихъ, сами псвращенные стараются распространить гибельное заблужденіе, и отчужденные отъ Бога, усиливаются всѣхъ удалить отъ Бога, вводя между людьми ложныя религіи. Что эти духи суть демоны, это знаютъ поэты; это говорятъ философы, это признавалъ и Сократъ, который принимался за дѣла и откладывалъ ихъ по внушенію присутствовавшего при немъ демона... Платонъ, который почиталъ труднымъ дѣломъ найти Бога, безъ труда говорить объ ангелахъ и демонахъ, и пытался въ разговорѣ „Пиръ“ опредѣлить природу демоновъ: онъ думаетъ, что она есть нѣчто среднее между существомъ смертнымъ и безсмертнымъ т. е. между духомъ и тѣломъ, и состоитъ изъ соединенія земной тяжести съ небесной эфирностью и что отъ нея происходитъ въ насъ любовь, образуется въ сердцахъ человѣческихъ, возбуждаетъ чувства, волнуется наши желанія и возжигаетъ жаръ страстей“.

чертахъ теорія демонологіи, созданная апологетами 2-го вѣка; она раздѣляется не только Тертулліаномъ, Таціаномъ и Минуціемъ Феликсомъ, но Іустиномъ Философомъ, Теофиломъ и др.

Но это не была одна только теорія, а самое жизненное ощущеніе. Весь языческій міръ рисовался въ сознаніи христіанина полнымъ всевозможныхъ таинственныхъ силъ, всюду присутствующихъ, все знающихъ, вездѣ вмѣшивающихся и все направляющихъ къ гибели. Небо и земля и окружающій ее воздухъ находятся въ ихъ власти; всѣ формы жизни запятнаны присутствіемъ ихъ; они возсѣдаютъ на тронѣ, окружаютъ колыбель младенца и сопровождаютъ человѣка до самой смерти, стараясь въ каждый удобный моментъ нанести ему болѣзни и разнаго рода несчастія и отворотить его отъ истиннаго пути. „Міръ стоитъ подѣ господствомъ мрачнаго (посл. Варнавы)“ „лежитъ во злѣ“—вотъ общее моральное ощущеніе древняго христіанина. Земля есть адъ, хотя она и остается твореніемъ Божиимъ. Было бы несправедливо называть это явленіе реакціоннымъ, но въ немъ несомнѣнно заключалось нѣчто аномальное въ моральномъ отношеніи... Такое, такъ сказать, чисто-физическое ощущеніе вездѣприсутствія демоновъ должно было поднимать нравственную энергію христіанъ на высшую точку напряженія. Христіанинъ долженъ чутко относиться къ каждому своему шагу, съ нервнымъ безпокойствомъ слѣдить за всякимъ своимъ дѣйствіемъ, чтобы не запятнать себя соприкосновеніемъ съ демономъ и не подпасть его вліянію. Извѣстно, что древніе христіане полагали знамя креста повсюду, на порогахъ, на дверяхъ дома, на одежды, на постелю и на сосуды, изъ которыхъ они пили и ѣли. Здѣсь сказывалось не одно только благочестіе...

1) Очерченая сейчасъ, довольно ненормальная нравственная атмосфера, въ какой вращались христіане второго и третьяго вѣка, весьма важна для пониманія различныхъ сторонъ христіанской жизни за этотъ періодъ. Она прежде всего обостряла ихъ отношеніе къ государственной, національной религіи. Переходившій за порогъ христіанской церкви, язычникъ не просто оставлялъ свою прежнюю религію; онъ удерживалъ свое прежнее убѣжденіе въ существованіи боговъ, но только начиналъ почитать ихъ за злыхъ демоновъ,

обитавшихъ въ идолахъ ¹⁾), и, такимъ образомъ, изъ благожелателя ихъ обращался въ противника. Въ его глазахъ боги были реальными врагами ²⁾), съ которыми нужно было вести упорную и ожесточенную борьбу, борьбу на жизнь и на смерть. Акты мученическіе полны разказовъ о томъ, какъ тотъ или другой христіанинъ является въ капище идола и, вполне раздѣляя языческое убѣжденіе въ существованіи боговъ, при помощи заклинаній, изгоняетъ обитающаго въ немъ бога. Такъ Панкратій изгоняетъ демона изъ идола Фалько, почитаемаго въ одномъ сицилійскомъ городкѣ Тавромени, обращаясь къ нему съ такими словами: „Фалько, глухое, слѣпое и нѣмое животное! кто ты и что здѣсь дѣлаешь? сколько времени ты здѣсь живешь, обольщая созданія моего Бога и принимая отъ нихъ жертвы?.. Демонъ отвѣчаетъ ему: „260 лѣтъ я живу здѣсь и получаю жертвы и приношенія отъ города Тавромени, каждый годъ по три невинныхъ ребенка, семьдесятъ три жирнымъ и прекрасныхъ быковъ, свиней и нѣсколько ягненокъ“. „Заклинаю васъ, злые демоны, продолжаетъ Панкратій,—именемъ распятаго нашего Мессіи и Господа, соберитесь сюда отовсюду, возьмите изъ храма идола Фалько, бросьте его въ море на растояніи 30 стадій отъ берега и сами вмѣстѣ съ нимъ низвергнитесь въ глубину бездны“. Въ концѣ 3-го вѣка Евгеній изгоняетъ бѣсовъ изъ идола Трапезунтскаго, при чемъ на этотъ разъ изгнанію подверглись никто иные, сами Дія, Артемида и Аполлонъ, которыхъ Евгеній удалилъ на

¹⁾ Ученіе по этому вопросу апологетовъ будетъ изложено ниже.

²⁾ Еще въ апостольской церкви по свидѣтельству ап. Павла были люди (1 Кор. гл. 8) которые въ языческихъ богахъ видѣли нѣчто большее, чѣмъ простую фикцію религіозной фантазіи—люди съ „идольскою“ совѣстью (8, 7), осуждавшіе вкушеніе идоложертвеннаго, какъ участіе въ идольской жертвѣ. Въ понятіяхъ самого ап. Павла „идолъ есть ничто (8, 4)“ и потому онъ склоненъ разсматривать, какъ дѣло безразличное для совершеннаго христіанина, если послѣдній сидитъ въ капищѣ за столомъ или вкушаетъ принесенное въ жертву идоламъ; онъ, конечно, заповѣдуетъ христіанамъ воздерживаться отъ идоложертвеннаго, но только въ тѣхъ видахъ, чтобы не соблазнить брата своего (8, 13)... Но въ 10-й главѣ опредѣленіе: „не можете пить чашу Господню и чашу бѣсовскую; не можете быть участниками въ трапезѣ Господней и въ трапезѣ бѣсовской (демонской—ст. 26)“. Ср. Еф. 6, 12: 2 Кор. 12, 7—9.

необитаемые горы Кавказа ¹⁾. Но изгонять демоновъ изъ идоловъ было все-таки дѣломъ труднымъ и продолжительнымъ; поэтому нѣкоторые христіане избираютъ болѣе простой и легкой способъ для пресѣченія дѣйствій языческаго бога и безъ всякихъ обращеній къ нему просто разбиваютъ его статую на куски. Къ нему стали обращаться тѣ христіане, которые путемъ искусственнаго и намѣреннаго раздраженія уже потухающаго къ тому времени языческаго фанатизма хотѣли скорѣе и вѣрнѣе снискать себѣ мученическій вѣнецъ. Сама церковная власть возстала противъ такихъ неразумныхъ ревнителей идольскаго сокрушенія, и соборъ, составившійся въ Эльвирѣ (Испанія) около 303 года, издалъ противъ нихъ довольно грозное постановленіе: „если кто,—узаконилъ онъ,—разобьетъ идоловъ и тамъ же будетъ убитъ, то не надлежитъ такового приниматьъ въ число мучениковъ, потому что ни въ Евангеліи этого не заповѣдано, ни апостолами не было дѣлаемо“ ²⁾. Такъ далеко зашла борьба христіанъ съ демонами...

Но господство демоновъ въ язычествѣ проявлялось не въ одной только идололатріи; оно налагало нравственную нечистоту и на всѣ формы общественной жизни и заставляло христіанъ сторониться отъ всякаго соприкосновенія съ ними. Отчужденность христіанъ отъ общества,—та ненависть къ человѣческому роду, въ какой обвиняли ихъ язычники,—имѣло свою основу въ этой разсматриваемой нами чертѣ ихъ міросозерцанія. По сужденію, напр. Тертуллиана, не только всѣ формы проявленія общественнаго чувства, но и всѣ способы человѣческаго заработка неразрывно связаны съ идолопоклонствомъ, и потому непозволительны христіанину. И прежде всего театры и всякаго рода зрѣлища. Известно, какое значеніе имѣли они въ античной жизни; можно сказать, что для безчисленной группы людей они составляли другую половину жизни рядомъ съ тяжелой работой дня; „хлѣба и зрѣлищъ!“—вотъ обычный крикъ, раздававшійся

¹⁾ *Conybeary. The Apology and acts of Apollonius und other monuments of early Christianity London. 1894, s. 11. 12.* Известно, что наиболѣе обычнымъ отвѣтомъ древнихъ христіанъ на предложеніе принести жертву было: „я не хочу жертвовать идоламъ и злымъ нечистымъ духамъ“.

²⁾ *Lauchert. Die Kanones d. wichtigsten altchristl. Consilien, Freiburg und Leipzig, 1896, p. 23: con. LX.*

на городскихъ площадяхъ. Но тѣсная связь ихъ съ идолопоклонствомъ и низменное развращающее содержаніе ихъ, у лучшихъ людей христіанства могло вызывать только моральное отвращеніе. Борьба противъ зрѣлищъ началась очень рано: Таціанъ первый открылъ противъ нихъ борьбу, подвергнувши ихъ саркастическому осмѣянію въ своей „Рѣчи къ эллинамъ“¹⁾; за нимъ послѣдовали Тертуллианъ²⁾ и псевдо-Кипріанъ, написавшіе цѣлые трактаты о зрѣлищахъ, и разсужденія Лактанція. Членамъ христіанскихъ общинъ запрещалось состоять гладиаторами и актерами, учить театральному искусству и вообще участвовать въ публичныхъ торжествахъ³⁾. Запрещенія далеко не всегда достигали своей цѣли; страсть была непобѣдима и самъ Тертуллианъ въ одномъ мѣстѣ жалобно восклицаетъ, обращаясь къ своимъ

1) От. с. 22. 23. 23: „кто не осмѣетъ ваши торжественныя собранія, устраиваемыя на общественный счетъ, которыя установлены въ честь демоновъ и обращаютъ людей къ постыднымъ дѣламъ? Я не разъ видалъ одного человѣка..., какъ онъ важничалъ и предавался ибгѣ, то сверкалъ глазами, то размахивалъ руками и неистовствовалъ съ грязнымъ лицомъ, то представлялъ Афродиту, то Аполлона... Что удивительнаго и прекраснаго совершается у васъ? Посредствомъ носа производятъ постыдные звуки, дѣлаютъ неприличныя движенія, на сценѣ учатъ, какъ блудодѣйствовать, и это видятъ сыновья и дочери ваши... Какую пользу мнѣ принесетъ тотъ, кто въ трагедіи Еврипида бѣснуется и разыгрываетъ роль матери-убійцы Алкмеона, кто обезобразилъ свой видъ, страшно разѣваетъ ротъ, носится съ мечемъ, неистово кричитъ и является въ окровавленной одеждѣ! и т. п.

2) Тертуллианъ (коррективѣ), о зрѣлищахъ, 4: „гдѣ наиболѣе и преимущественно проявляетъ себя дьяволъ, свита и ангелы его, какъ не въ идолопоклонствѣ? И такъ, если все устройство зрѣлищъ состоитъ изъ идолопоклонства, то ясно, что все касающееся до зрѣлищъ, уже предсуждено свидѣтельствомъ нашего отреченія въ крещеніи отъ всего, что принадлежитъ дьяволу, свитѣ и ангеламъ его: вспомнимъ объ элементахъ, изъ какихъ состоятъ они, какое каждый изъ нихъ имѣетъ начало объ именахъ, какими они обозначаются, о содержаніи ихъ, какими суевѣріями они наполнены, о мѣстахъ, какимъ божествамъ посвящаются и о самомъ искусствѣ, отъ какихъ виновниковъ оно происходитъ,—если ничто изъ этого не касается ни до идола, ни до идолопоклонства, то не касается и до нашего отреченія при крещеніи“. Ср. Минуцій Феликсъ: „вы христіане, удрученные заботами и безпокойствомъ, чуждаетесь даже благопристойныхъ зрѣлищъ, не посѣщаете театра, не присутствуете на праздникахъ нашихъ, не участвуете въ общественныхъ играхъ (гл. 12).

3) Pseudo Cyprian, 2.

кареагенскимъ согражданамъ: „должны свѣтитъ наши дѣла, а теперь блестятъ свѣтомъ наши ставни и двери! Даже у язычниковъ встрѣчается болѣе неосвѣщенныхъ и неукрашенныхъ вѣнками дверей“¹⁾. Но бесплодной эта энергичная борьба противъ зрѣлищъ во всякомъ случаѣ не оказалась; извѣстно, что одной изъ первыхъ законодательныхъ мѣръ императора Константина въ пользу христіанства было огражденіе зрѣлищъ.

Отвращеніе лучшихъ христіанъ отъ языческихъ театровъ и зрѣлищъ оправдывалось уже самымъ внутреннимъ ихъ содержаніемъ, но демонократія, господствовавшая, по вѣрѣ христіанъ, въ языческомъ мірѣ, ставила на очередь гораздо болѣе важный для большинства членовъ церкви вопросъ: можетъ ли христіанинъ вообще имѣть какое-либо занятіе въ этомъ мірѣ, чтобы не запятнать себя связью съ идолопоклонствомъ и черезъ него съ демонами? Такіе послѣдовательные ригористы, какъ Тертуліанъ, и въ этой области были непреклонны, и на откровенный вопросъ большинства христіанъ: чѣмъ же намъ жить?—съ неподобающей христіанину жестокостью отвѣчали: „христіанинъ не долженъ бояться голода“²⁾. Ни общественныя должности, ни служба въ войскѣ не позволительны для христіанина. „Допустимо-ли, чтобы кто-нибудь занимающій почетное мѣсто въ государствѣ довольствовался только однимъ титуломъ, соединеннымъ съ нимъ, не одобрялъ бы своимъ присутствіемъ жертвъ, не заботился бы о доставкѣ жертвенныхъ животныхъ, не осуждалъ бы никого и не давалъ бы никакихъ обвинительныхъ приговоровъ, никого бы не бичевалъ, не садилъ бы въ темницы, не подвергалъ бы пыткамъ?.. Отвергнувъ пре-

¹⁾ Объ идолосл., гл. 13—16. Какъ мало дѣйствовали увѣщанія Тертуліана на современную ему христіанскую публику, это видно изъ того, что онъ не можетъ найти никакого другого мотива, чтобы побудить ее отказаться отъ посѣщенія зрѣлищъ, какъ только указаніе, на будущія блага: „однако каково будетъ то, чего глазъ не видѣлъ и ухо не слышало и что не приходило на сердце человѣческое: думаю, что лучше, чѣмъ циркъ, ложи и какое-бы то ни было ристалище (о зрѣл. 20)“. Ср. Наваціанъ (de spect. 2): „Когда то, что совершается язычниками въ честь идола (т. е. зрѣлища), видятъ и посѣщаютъ вѣрующіе христіане, то языческое идолопоклонство подтверждается и божественная религія обращается въ поношеніе.

²⁾ Объ идолоп. гл. 12.

лести сатаны, знай, что прикоснувшись ихъ, ты дѣлаешься опять идолопоклонникомъ ¹⁾“. Служеніе въ войскѣ еще мѣнѣе позволительно христіанину: „давать клятву Богу и людямъ, стоять подѣ знаменемъ Христа и діавола, жить въ лагерѣ свѣта и лагерѣ тѣмы,—это трудно согласимо; одна и та же душа не можетъ служить двумъ господамъ—Христу и діаволу ²⁾“. И дѣйствительно надо сознаться, что положеніе послѣдовательнаго христіанина въ этомъ мірѣ, наполненномъ повсюду злыми духами, было дѣйствительно трагично: ни одно занятіе, ни одинъ случай, встрѣчавшійся въ ежедневномъ обиходѣ, не гарантировалъ его отъ такой или иной связи съ идолопоклонствомъ т. е. съ служеніемъ сатанѣ и демонамъ его. До какой шепетильности доходили въ этомъ отношеніи ригористы, видно изъ того, что запрещались такія невинныя сами по себѣ занятія, какъ торговля и преподаваніе въ школахъ. „Торговля,—утверждаетъ тотъ же Тертулліанъ,—возникаетъ изъ корыстолюбія и тѣсно связана съ идолопоклонствомъ; она создаетъ средства для богослуженія идоламъ ³⁾“—и этого довольно. Преподаваніе въ языческой школѣ и языческихъ наукъ также стоитъ въ близкомъ соприкосновеніи съ идолопоклонствомъ, а потому тоже недозволительно христіанину. Занимая мѣсто школьнаго учителя, христіанинъ долженъ будетъ распространять познанія о языческихъ богахъ, излагать ихъ имена, миѣы, соблюдать праздникъ и торжества въ честь ихъ, потому что они (учителя) въ это время получаютъ свой гонораръ. Первые деньги, уплаченныя ученикомъ, учитель посвящаетъ Минервѣ. Лишь въ одномъ пунктѣ Тертулліанъ дѣлаетъ уступку требованіямъ времени, и этотъ пунктъ замѣчательный: онъ дозволяетъ христіанамъ заниматься языческими науками, потому что *безъ нихъ не могутъ существовать религіозныя* ⁴⁾. Можно-ли христіанину лечиться у языческаго врача? „Но

¹⁾ Объ идолоп. гл. 17. 18.

²⁾ гл. 19.

³⁾ Объ идолоп. гл. 11. Тертулліанъ и здѣсь стоитъ одиноко. Даже—такой церковный писатель, какъ Иринея Ліонскій ничего не имѣлъ противъ торговли (противъ ересей IV, 30).

⁴⁾ Тамъ же гл. 10. Однако, Таціанъ: „хороши ваши аудиторіи, гдѣ рассказываются срамныя ночныя дѣла, гдѣ услаждаютъ слушателей прозиошеніемъ гнусныхъ рѣчей. (Оч. 21).

медицина,—отвѣчаетъ Таціанъ,—и все соприкосновенное съ ней есть коварство демоновъ. Если кто врачуется веществомъ, имѣя вѣру въ него, тѣмъ болѣе уврачуется онъ, если прибѣгнуть къ Богу... Почему же не обратишься къ всемогущему Богу и предпочитаешь лечить себя, какъ собака лечится травой, олень эхидною, свинья раками рѣчными, левъ обезьянами“¹⁾. И при всемъ томъ, ежедневный обиходъ жизни доставлялъ христіанину цѣлый рядъ соблазнительныхъ случаевъ, гдѣ онъ долженъ былъ вести себя съ особой осторожностью. Не позволялись вообще такіе обычные на разговорномъ языкѣ выраженія, какъ те Нерсусе—свидѣтельствуюсь Геркулесомъ и вообще всѣ обороты рѣчи, гдѣ встрѣчается имя языческаго бога. „Я знаю одного христіанина,—говоритъ Тертуллианъ,—который, когда въ спорѣ на улицѣ язычникъ сказалъ: гнѣвъ Юпитера да поразитъ тебя, отвѣтилъ: и тебя также“. Здѣсь, по Тертуллиану, непозволительно не только проклятiе, но заключающее въ немъ признаніе Юпитера. Если клятвенная присяга, сопровождавшаяся призываніемъ языческихъ боговъ, произносилась въ присутствіи христіанина, онъ долженъ былъ протестовать, а не молчать изъ боязни, что сочтутъ его христіаниномъ. Даже подпись подъ заемнымъ документомъ, оцѣниваемая съ этой точки зрѣнія, есть отверженіе христіанства, хотя бы христіанинъ и не произносилъ при этомъ никакихъ словъ²⁾.

Безъ сомнѣнія все это съ точки зрѣнія христіанской идеологіи было послѣдовательно и неизбѣжно, но жизнь управляется не одними идеалами, но социальными и экономическими потребностями. Ригористы хотѣли построить несокрушимую стѣну между христіанскою церковью и современнымъ ей міромъ и отнять у ней всю историческую будущность, лишивъ ее всякой возможности воздѣйствовать на тѣсно связанное съ ней языческое общество. Къ счастью для христіанства ригористы, подобные Тертуллиану, видѣвшіе во всякомъ соприкосновеніи съ язычествомъ идолопоклонство и служеніе демонамъ, представляли собой явленіе

¹⁾ Отч. с. 18.

²⁾ Объ идолахъ, гл. 21. 22. Болѣе подробные и мелкія свѣдѣнія по этому вопросу см. А. Гарнакъ, цит. соч., стр. 188—193.

исключительное. Огромное большинство церковныхъ людей не раздѣляло этихъ воззрѣній. Св. Писаніе давало и имъ авторитетные примѣры для защиты права на участіе во всѣхъ сферахъ общественной дѣятельности. Иосифъ и Даниилъ,—развѣ не состояли на государственныхъ должностяхъ,—и все таки не запятнали себя идолослуженіемъ ¹⁾; Моисей и Іисусъ Навинъ,—развѣ не были военачальниками?—и все же угодили Богу ²⁾. И о посѣщеніи зрѣлищъ и театровъ: гдѣ написано, что они запрещены?—развѣ пророкъ Ілія не былъ возницею и самъ Давидъ не скакалъ предъ ковчегомъ, составивъ хоръ въ струнныхъ псалтыряхъ, въ мѣдныхъ тимпанахъ, свирѣляхъ и гусяхъ (въ подлинникѣ стихи: *nāblo supāras aēra tymrāna sībios sithāras chōros legimus*). Также и ап. Павелъ, развивая образъ нашей борьбы противъ духовнаго лукавства, предполагаетъ зрѣлище (*certamen*), и когда онъ беретъ примѣръ съ ристалища награду сопоставляетъ коронѣ; почему же человѣку христіанской вѣры нельзя смотрѣть на то, что можно описывать божественными словами ³⁾? И самъ Тертуліанъ, защищая въ апологетикѣ христіанъ, противъ упрековъ въ оторванности отъ общественной жизни, хвалится уже совсѣмъ другими качествами: „мы съ вами плаваемъ на моряхъ, несемъ высшую службу, занимаемся земледѣліемъ и торговлей“. Съ триумфомъ онъ заявляетъ, что христіане находятся вездѣ,—на всѣхъ государственныхъ должностяхъ, въ войскѣ и даже сенатѣ; „мы оставляемъ вамъ только ваши храмы ⁴⁾“. Не смотря на всѣ прещенія ригористовъ церковь пошла по своему историческому пути къ исполненію предназначенной ей задачи. Тертуліанъ скончался въ самомъ началѣ 3-го вѣка, а къ концу этого столѣтія дворъ, государственное управление и войска были наполнены христіанами.

2) Но демонологія не только являлась причиной различныхъ столкновеній христіанъ съ языческимъ обществомъ, его вѣрованіями и обычаями,—она служила въ то же время неисчерпаемымъ источникомъ для объясненія всѣхъ зага-

1) Объ идол. гл. 17. 18.

2) Тамъ же, гл. 18.

3) Новаціанъ, *de spect.* 2.

4) *Apolog.*, с. 42.

дочныхъ и ненормальныхъ явленій въ природѣ и исторіи человѣчества. Какъ физическія нестроенія въ природѣ, какъ-то порча растений и пр. и болѣзни въ человѣкѣ вызывались гибельнымъ воздействиемъ демоновъ, такъ и вся прошлая религіозная исторія человѣчества сложилась подъ вліяніемъ демоновъ. Въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ должна быть отмѣчена философія религіозной исторіи человѣчества, развитая апологетами 2-го вѣка. Она проста и несложна: вся религіозно-нравственная жизнь греко-римскаго человѣчества, какъ своимъ происхожденіемъ, такъ и всею своимъ содержаніемъ, обязана демонамъ. „Еще въ древности,—говоритъ Іустинъ Философъ,—злые демоны являлись открыто людямъ, оскверняли женщинъ и отроковъ, наводили на людей поразительные ужасы, такъ что тѣ, которые не разсуждали разумно о дѣйствіяхъ ихъ, будучи объаты страхомъ и не зная, что это демоны, назвали ихъ богами и давали имъ такое имя, какое каждый изъ демоновъ выбиралъ самъ себѣ“¹⁾. Въ этомъ своемъ утвержденіи апологеты основывались на Божественномъ откровеніи. „Богъ,—разсуждаетъ тотъ же философъ въ другомъ мѣстѣ,—сотворившій весь міръ, покоривъ земное царство человѣку и устроивъ небесныя свѣтила для произращенія плодовъ и для произведенія перемѣнъ временъ, постановивъ имъ божественный законъ“...., самъ какъ бы отказался отъ управленія міромъ. „Онъ ввѣрилъ попеченіе о людяхъ и поднебесномъ поставленнымъ на это ангеламъ. Но ангелы преступили это назначеніе; они вошли въ соединеніе съ женами²⁾ и родили сыновъ, такъ называемыхъ демоновъ и затѣмъ, наконецъ, поработили себѣ родъ человѣческой частію посредствомъ волшебныхъ писаній, частію посредствомъ страховъ и мученій, наносимыхъ ими, а частію чрезъ наученіе жертвоприношеніямъ, куреніямъ и возліаніямъ, въ которыхъ они сами возымѣли нужду“³⁾. Поэты и мифологи все, что дѣлали ангелы съ мужчинами и

¹⁾ Apol. 1, 5.

²⁾ Та же мысль высказывается и у Аѳинагора. (Прощ., гл. 24), у Климентя алекс. (Stromat. t. VI, 1), Тертулліана (Apoloq., с. 22), въ Клементинахъ (VI, 13) и у Лактанція (Institut. div. II, 15). Источникомъ, вѣроятно, служилъ Іосифъ Флавій (Antiqu. Jud. 1, 4).

³⁾ Ср. Тертулл., Apol., с. 27: демоны любятъ питаться дымомъ, состоящимъ изъ жира и крови жертвъ, приносимыхъ предъ стоящими“.

женщинами, съ городами и народами, приписали это самому Богу и сынамъ родившимся, какъ отъ сѣмени его, такъ и отъ такъ называемыхъ братьевъ Его, Посидона и Плутона, а равно и отъ дѣтей ихъ, и при этомъ каждого они называли тѣмъ именемъ, какое кто изъ ангеловъ далъ себѣ и своимъ сынамъ“ ¹⁾. Такъ возникло ученіе о языческихъ богахъ и вся мифологія, рассказываемая поэтами. Демоны же научили людей и ставить имъ изображенія или идолы, причемъ эти изображенія не только носятъ ихъ имена, но и имѣютъ тотъ самый видъ, въ какомъ они являлись людямъ и служатъ мѣстомъ ихъ жительства ²⁾. Такимъ образомъ, и по Іустину, какъ и другимъ апологетамъ ³⁾, боги языческіе и культъ, оказываемый имъ, хотя и ведутъ позорное происхождение отъ демоновъ, но имѣютъ *реальное значеніе, дѣйствительно существуютъ и обладаютъ значительной степенью могущества и силы. Это мы сейчасъ и увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія апологетической теологіи о демонахъ.*

Подчинивъ себѣ все человѣчество и убѣдивъ его признать себя за боговъ, демоны держатъ его въ постоянномъ страхѣ и рабствѣ посредствомъ сновидѣній и магическихъ очарованій ⁴⁾. Они скрываются въ статуяхъ и идолахъ, вдохновляютъ прорицателей, обитаютъ въ капищахъ, дѣйствуютъ на внутренности животныхъ, руководятъ полетомъ птицъ, управляютъ жребіями и произносятъ смѣшанныя съ ложью прорицанія ⁵⁾. Они же являются и единственной причиной всѣхъ нестроений, несчастій, обмановъ и пороковъ въ исторіи и жизни человѣка ⁴⁾. Ихъ главная цѣль, для которой они собственно и посланы въ міръ, состоитъ ни въ чемъ другомъ, какъ въ дѣланіи зла ⁶⁾. Они показали людямъ порядокъ и расположеніе звѣздъ и ввели судьбу. Самое распределеніе зодіака есть дѣло демоновъ...; они удостоили небесной по-

¹⁾ Apol. II, 5.

²⁾ Apol. I, 9.

³⁾ За исключеніемъ Тертуліана и Минуція Феликса, которые согласно учевію Евгемера, считали языческихъ боговъ обоготворенными людьми. Любопытно, однако, что еще Августинъ боговъ древнихъ римлянъ называетъ *poxii demones* (De civ. dei, I, 31).

⁴⁾ Just. Apol. I, 14.

⁵⁾ Минуцій Феликсъ, гл. 27.

⁶⁾ Таціанъ. Orat., с. 16.

чести животныхъ, съ которыми жили по низверженіи съ неба, пресмыкающихся, плавающихъ въ водахъ, четвероногихъ, живущихъ на горахъ, помѣстили ихъ на небѣ и убѣдили людей, что жизнь на землѣ, чуждая разуму, согласна съ разумомъ, такъ что гнѣвливи-ли кто или терпѣливъ, воздерженъ или невоздерженъ, богатъ или бѣденъ, такимъ бываетъ не по собственной волѣ, а по назначенію отъ тѣхъ, которые располагають рожденіемъ ¹⁾. Они,—демоны,—посѣяли между людьми убійства войны, любодѣяніе, распутства ²⁾, дурные законы также обязаны имъ своимъ происхожденіемъ ³⁾. Они являются главными виновниками всѣхъ тѣхъ несчастій и невзгодъ, какія выпадаютъ на долю людей, ведущихъ добродѣтельную жизнь. По наущенію ихъ Сократъ былъ осужденъ на смерть ⁴⁾, и Христось распятъ на крестѣ ⁵⁾. Подъ вліяніемъ демоновъ всѣ, старавшіеся жить согласно съ Логосомъ и удаляться отъ зла, были ненавидимы ⁶⁾. Но никому такъ много зла не нанесли демоны, какъ христіанамъ: они воздвигли на нихъ гоненія и преслѣдованія, разсѣявъ противъ нихъ ложныя и безбожныя обвиненія ⁷⁾. Умертвивши нѣкоторыхъ изъ нихъ по ложнымъ обвиненіямъ, они влекли на пытки слугъ, дѣтей и женщинъ ихъ и ужасными мученіями вынуждали говорить про нихъ баснословныя дѣйствія ⁸⁾.

Главнымъ объектомъ, на который направлена преимущественная злоба демоновъ, является человекъ ⁹⁾. Они подстерегаютъ его на каждомъ шагу, ждутъ удобнаго момента, чтобы напасть на него и овладѣть имъ. „Неистовствуя по своей злобѣ надъ людьми, они обольщаютъ поникшія долу

1) Ibid., с. 8. 9.

2) Just. Apol. 1, 5.

3) Apol. II, 7.

4) Apol. 1, 10.

5) Apol. 1, 63.

6) Apol. II, 9 ср. II, 7: „а что добрые, какъ Сократъ и подобные ему бывають гонимы и заключаемы въ узы, а Сардаанапалъ, Епикуръ и подобные имъ благоденствуютъ въ изобиліи и славѣ, то это происходитъ по дѣйствію злыхъ демоновъ.“

7) Apol. 1, 10.

8) Apol. II, 12.

9) Ср. Тертуллианъ (вышеприведенныя слова): „съ самаго начала злоба этихъ духовъ работала надъ погибелью человека“.

души разнообразными и коварными ухищреніями и препятствуютъ имъ возвыситься къ жизни небесной¹⁾. Ихъ самое пріятное удовольствіе и состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ ложныхъ обмановъ отвратить людей отъ мысли и познанія истиннаго Бога²⁾. Болѣзни и нестроенія, случающіяся въ человѣческомъ организмѣ, доставляютъ имъ наиболѣе легкое средство, чтобы поработить себѣ человѣка. Лишь только они замѣтятъ, что человѣка постигла болѣзнь, они нападаютъ на него и бурей своей злобы потрясаютъ весь составъ его тѣла. Они пользуются при этомъ слѣдующей продѣлкой. „Какъ начертанія буквъ и составленныя изъ нихъ слова не могутъ сами по себѣ показать содержащейся въ нихъ мысли, но люди установили для себя знаки своей мысли и изъ извѣстнаго сочетанія ихъ узнаютъ то, для означенія чего установленъ и самый порядокъ буквъ; такъ точно ни различные (лечебные) корни, ни употребленіе нервовъ и костей сами по себѣ ничего не производятъ, но служатъ средствомъ для лукавства демоновъ, которые опредѣлили, для чего каждое изъ нихъ годно³⁾. И если человѣкъ на минуту поддастся имъ, они тотчасъ же овладѣваютъ имъ и порабащаютъ себѣ⁴⁾. „Достойный всякаго удивленія Іустинъ,—сообщаетъ Таціанъ,—сказалъ, что демоны подобны разбойникамъ: какъ послѣдніе берутъ живыми нѣкоторыхъ людей, а потомъ за выкупъ возвращаютъ ихъ роднымъ, такъ и они,—демоны,—которыхъ почитаютъ за боговъ, вселясь въ тѣло какихъ-либо людей и потомъ посредствомъ сновидѣній внушивши мысль о своемъ присутствіи, велятъ такимъ людямъ выйти на народъ и, насытившись мірскими веществами въ виду всѣхъ, отлетаютъ отъ больныхъ и возвращаютъ имъ прежнее здоровье, уничтоживъ болѣзнь, которую они сами произвели“⁵⁾.

Ереси, волновавшія собой первоначальную жизнь христіанства, также ведутъ свое происхожденіе отъ демоновъ. „По вознесеніи Христа на небо,—пишетъ Іустинъ,—демоны вы-

1) Tatian, or. 16.

2) Тертуліанъ, цит. мѣст.

3) Tatian, or. c. 16.

4) ibid., c. 18.

5) Orat., c. 18.

ставили нѣкоторыхъ людей, которые называли себя богами, и они не только не были гонимы вами (язычниками), но и удостоивались почестей“. Таковъ былъ Симонъ самарянинъ..., онъ силою демоновъ, дѣйствовавшихъ чрезъ посредство его, совершилъ во время кесаря Клавдія рядъ волшебныхъ чудесъ и, какъ Богъ, почтенъ у римлянъ статуей. Эта статуя воздвигнута на рѣкѣ Тибрѣ между двумя мостами съ надписью на римскомъ языкѣ: Симону, богу святому ¹⁾. Таковъ же и Менадръ: онъ также находился подъ вліяніемъ демоновъ, и въ бытность свою въ Антиохіи многихъ увлекъ за собой своимъ волшебнымъ искусствомъ, обѣщая послѣдователямъ, что они даже не умрутъ. Таковъ же, наконецъ, и Маркіонъ; при содѣйствіи демоновъ онъ многихъ изъ всякаго народа заставилъ говорить богохульно ²⁾.

Уже христіанъ 2-го вѣка поражало сходство между рели-

¹⁾ Arol. 1, 26 ср. гл. 56. Вслѣдъ за Іустиномъ объ этой статуѣ говорятъ Ирней (Наег. II, 13), Тертуліанъ (Arol. 13), Евсеій (ц. и. П. 13), Кириллъ іерусал. (Catech. 11) и др. Загадка раскрылась въ 1574 году, когда въ Римѣ при раскопкахъ найдена была та самая статуя, о которой говоритъ Іустинъ. На пьедесталѣ этой статуи значились слова: *semoni sauso deo fidio vex rompeus... donum dedit*, т. е. Семону Санку, вѣрному богу Сексъ Помпей..., дѣлаетъ даръ“. Ясное дѣло, что статуя посвящена была не Симону волхву, извѣстному ересіарху, а Семону Санку, сабинскому божеству, почитаемому многими римлянами. Іустинъ, бывший чужестранцемъ въ Римѣ и едва-ли хорошо владѣвшій латинскимъ языкомъ, вмѣсто словъ: *semoni sauso* прочелъ: *simoni sauset* и связавъ это ошибочное чтеніе съ извѣстнымъ ему разговоромъ о пребываніи Симона въ Римѣ, скомбинировалъ и изложенное сейчасъ свидѣтельство о статуѣ, будто бы поставленной въ Римѣ въ честь Симона волхва.

²⁾ Arol. 1, 26. Извѣстно, съ какимъ упорствомъ держались въ языческомъ мірѣ слухи о преступленіяхъ, совершаемыхъ на тайныхъ собраніяхъ христіанъ. Они исчезли только къ концу 3-го вѣка. Въ объясненіи этого упорства совершенно нелѣпныхъ разсказовъ, нужно сказать, что сами христіане недостаточно энергично опровергали ихъ. Мы уже читали свидѣтельство Іустина, что христіане, вынуждаемые пытками, часто сознавались въ подобныхъ преступленіяхъ. Для нашего времени пытки, какъ слѣдственный аппаратъ, конечно, не имѣютъ никакого значенія, но въ римскомъ судебномъ кодексѣ они разсматривались, какъ полное правное юридическое доказательство. Но этого мало. Іустинъ прямо обвиняетъ упомянутыхъ выше еретиковъ, что на собраніяхъ ихъ послѣдователей происходятъ всѣ тѣ гнусныя дѣла, слухи о которыхъ носятъ въ народѣ. (Arol. тамже). Но, разумѣется язычникъ не имѣлъ никакой возможности провести различіе, напр. между маркосіаномъ и церковнымъ христіаниномъ.

гіозными обрядами язычества и христіанства, и здѣсь на помощь къ уясненію вопроса пришла демонологія. Это—демоны подсмотрѣли христіанскіе обряды и ввели ихъ въ языческой культъ, чтобы отвратить эллиновъ отъ вступленія въ христіанскую церковь. „Демоны,—разсуждаетъ тотъ же Іустинъ,—услышавъ объ омовеніи возвѣщенномъ пророкомъ (Исаіей) сдѣлали то, что входящіе въ храмъ ихъ для совершенія возліяній и куреній окропляютъ себя и даже совершенно омываются, чтобы войти въ храмы, посвященные имъ. Да и то, что жрецы входящимъ въ храмъ и желающимъ совершать свои моленія повелѣваютъ скинуть обувь, демоны сдѣлали изъ подражанія Моисею (ср. Исх. III, 5)“ ¹⁾. Описавъ обрядъ христіанской евхаристіи Іустинъ замѣчаетъ: „*тоже самое* злые демоны изъ подражанія научили дѣлать и въ таинствахъ Митры; здѣсь, какъ вы знаете, при посвященіи вступающаго въ таинство предлагается хлѣбъ и чаша съ водой“ ²⁾.

Итакъ, вездѣ демоны и демоны! Какъ просто объяснялись съ этой точки зрѣнія всѣ загадочныя и ненормальныя явленія въ природѣ, въ религіозно-нравственной исторіи чело-вѣчества, въ фактическомъ бытѣ его и наличномъ состояніи самого христіанства. Для современнаго изслѣдователя могло бы составить одну изъ труднѣйшихъ психологическихъ проблеммъ рѣшеніе того вопроса, какимъ образомъ эта наивность въ объясненіи важнѣйшихъ сторонъ чело-вѣческаго бытія соединялась въ апологетахъ съ философски-развитымъ научнымъ міросозерцаніемъ? Очевидно, каждый чело-вѣкъ, даже и высшаго научнаго уровня, платитъ необходимую дань своему времени.

3) Все сказанное доселѣ о вѣрѣ въ демоновъ въ древней церкви затрогиваетъ лишь одну, хотя и интересную сторону дѣла. Вопросъ стоялъ гораздо шире и глубже. Непоколебимая увѣренность въ вездѣприсутствіе демоновъ, постоянная тревога совѣсти, какъ бы не подпасть вліянію ихъ, живое и никогда непрекращающееся ощущеніе ихъ непосредственной близости возбуждающимъ образомъ дѣйствовало на распатанные нервы и тревожную мысль тогдашняго чело-вѣка

¹⁾ Апол. 1. 62.

²⁾ Апол. 1. 66.

и сдѣлалось источникомъ безчисленнаго ряда болѣзней, извѣстныхъ подъ именемъ бѣсноватости или одержимости. Давно уже признано, что формы проявленія, въ какихъ выражается сумасшествіе, всегда стоятъ въ связи съ извѣстнымъ состояніемъ культуры и развитія даннаго общества. Тамъ, гдѣ религіозная жизнь возбуждена и при этомъ царить крѣпкая вѣра въ таинственную дѣятельность злыхъ духовъ, тамъ и въ настоящее время, какъ напр. среди нашего простонародія, особенно между женщинами, встрѣчаются случаи бѣсноватости. При этомъ наблюдаются странныя, до сихъ поръ не поддающіяся психологическому анализу явленія. Сознаніе больного, его воля и область дѣйствій раздвояется. Съ полнѣйшей субъективной увѣренностью больной различаетъ себя и, кромѣ того, другое существо, принуждающее и господствующее надъ нимъ. Онъ чувствуетъ, думаетъ и поступаетъ то отъ собственнаго лица, то отъ лица другого существа, овладѣвшаго имъ, и, будучи убѣжденъ въ двойствѣ своей личности, своими безразсудными, хотя и вытекающими изъ внутренней необходимости, укрѣпляетъ себя и другихъ въ этомъ убѣжденіи. Принудительное самообольщеніе, пронирыливая активность и безнадежнѣйшая пассивность соединяются здѣсь таинственнымъ образомъ и въ своемъ результатѣ даютъ родъ душевной болѣзни, которая отличается необыкновенной воспримчивостью къ внушенію, но въ то же время смѣется надъ всякимъ научнымъ анализомъ, предоставляя каждому испробовать здѣсь таинственныя силы. Даже болѣе: есть болѣзни, свойственныя сверхъ-человѣкамъ, въ которыхъ они почерпаютъ новую, невѣдомую дотолѣ жизнь и энергію, низвергающую всѣ препятствія и сообщающую имъ ревность пророковъ и апостоловъ ²⁾. Но когда болѣзнь наблюдается у людей обычнаго опыта, діагносъ ея и лѣченіе очень просты.—То, что особенно поражаетъ при изученіи языческой и христіанской литературы 2 и 3-го вѣка — это эпидемическій характеръ болѣзни. Уже рассказы евангелій даютъ понять, что бѣсноватые могли попадаться при всякой случайной встрѣчѣ. Языческіе писатели, какъ Лукіанъ и Цельсъ,

¹⁾ Ср. анализъ А. Гарнака (наше изданіе). Религіозно-нравственныя основы хр—ства, стр. 61.

также полны указаній на эту болѣзнь, и христіанскіе апологеты въ явленіяхъ сумасшествія видятъ главную дѣятельность демоновъ. Мы уже слышали слова Тертуліана объ умоиступленіяхъ, позорныхъ и ужасныхъ пожеланіяхъ, вызываемыхъ демонами въ захваченныхъ ими въ свою власть душахъ. О томъ же говорить и Таціанъ, увѣряя, что и бурю своей злобы демоны потрясаютъ весь составъ человѣческаго тѣла“ и сравненія ихъ съ разбойниками, приведенное имъ изъ Іустина, основывается именно на этихъ фактахъ. Минуцій Феликсъ также свидѣтельствуетъ, что вселяясь въ тѣла людей, демоны производятъ болѣзни, наводятъ страхъ на умы и искривляютъ члены; они то и суть тѣ неистовствующіе, которыхъ вы видите на улицахъ, тѣ прорицатели, которые внѣ храма такъ часто кружатся на землѣ, такъ волнуются, такъ безумствуютъ ¹⁾“.

Обыкновенно бываетъ такъ, что тоже самое общество, которое страдаетъ эпидемическими болѣзнями, находитъ достаточныя средства и для исцѣленія ихъ. Уже языческій міръ обладалъ заклинателями бѣсовъ и прочно выработанными формулами заклинаній. Какъ поставлено было это дѣло въ язычествѣ, о томъ любопытныя указанія даетъ Лукіанъ самосатскій, писатель второй половины втораго вѣка въ своемъ разсказѣ „Philopseudes“ или любитель лжи. Сцена представляетъ собой богатаго больного, лежащаго на постели и его друзей, старающихся превзойти другъ друга своими совѣтами о разныхъ симпатическихъ и мистическихъ способахъ для излеченія отъ болѣзни. Когда, повидимому, уже исчерпаны были всѣ средства, встаетъ одинъ изъ друзей и говоритъ: „я имѣю большое желаніе спросить тебя о томъ, что ты думаешь относительно тѣхъ, которые обладаютъ даромъ освобождать бѣсноватыхъ отъ ужасающихъ ихъ образовъ, на виду у всѣхъ изгоняя духовъ изъ нихъ посредствомъ заклинательныхъ формулъ. Но не будетъ напрасно тратить много словъ объ этомъ! Кто не знаетъ сирійца изъ Палестины величайшаго мастера этого искусства? и кому неизвѣстно, сколь много падавшихъ ницъ при первомъ появленіи луны съ выпученными глазами и пѣной у рта, этотъ мужъ поста-

¹⁾ Гл. XXVII. Ср. Іуст. Апол. 1, 17: „люди, одержимые душами умершихъ и бросающіеся внизъ, которыхъ всѣ называютъ безумными и бѣсноватыми“.

вить на ноги и возвратить ихъ домой здоровыми, изгнавши изъ нихъ духовъ за хорошую плату. Когда они въ такомъ видѣ лежали предъ нимъ на землѣ и онъ спрашивалъ демона, откуда онъ пришелъ, то больной молчалъ, демонъ же отвѣчалъ по гречески или на какомъ-нибудь варварскомъ языкѣ, кто онъ, какъ и откуда пришелъ, и потомъ экзорцистъ изгонялъ его чрезъ заклинанія, а если они не помогали, то чрезъ устрашенія. Я самъ,—заключаетъ рассказчикъ,—видѣлъ такого діавола, совершенно чернаго, вышедшаго какъ дымъ изъ человѣка ¹⁾“. Свидѣтельство Лукіана очень важно; оно показываетъ, что въ языческомъ мірѣ существовала цѣлая профессія заклинателей, обладавшая знаніемъ заклинательныхъ формулъ, и этимъ путемъ зарабатывавшая себѣ пропитаніе. Любопытенъ и самый способъ заклинанія: экзорцистъ не довольствуется однимъ фактомъ изгнанія, онъ еще допрашиваетъ демона, кто онъ и откуда пришелъ, и демонъ удовлетворяетъ его требованіямъ. Мы уже видѣли и увидимъ ниже, что и христіанскіе экзорцисты часто поступали также.

Но этого мало; существовала цѣлая наука *магія*, главнымъ содержаніемъ которой служило ученіе о духахъ и способахъ воздѣйствія на нихъ. О магіи, имѣющей силу воздѣйствія на демоновъ и ангеловъ, говоритъ Тертулліанъ. Минуцій Феликсъ основателя магической науки указываетъ въ лицѣ Сосфена ²⁾, „перваго мага по дѣламъ и словамъ своимъ“, который съ подобающимъ благоговѣніемъ говорилъ объ истинномъ Богѣ, признавалъ ангеловъ, служителей и вѣстниковъ истиннаго Бога и представлялъ ихъ присутствующими предъ Его престоломъ въ такомъ страхѣ, что они трепещутъ отъ мановенія, взгляда Господня: онъ же училъ о демонахъ земныхъ, блуждающихъ туда и сюда и враждебныхъ человѣчеству ³⁾“. Но самыя цѣнныя свѣдѣнія о магіи сообщаетъ Оригенъ. Вѣру въ магію и ея воздѣйствіе на демоновъ вполне раздѣляетъ и этотъ образованнѣйшій человѣкъ своего вре-

¹⁾ Luciani samosatensi operum t. 11, ed. Iohannes Benedictinus. Sulmarii, 1619, pp. 477 sqq.

²⁾ Вѣроятно Останъ, о которомъ упоминаетъ Плиніи (lib. XXX, c. 1) и Августинъ (de baptisma, 1, VI. (Примѣчаніе переводчиковъ къ изданію на русскомъ языкѣ Минуція Феликса).

³⁾ Сир. XVI.

мени, и о магахъ замѣчаетъ, что они находятся въ непосредственномъ сношеніи съ духами ¹⁾. Онъ даже беретъ на себя обязанность доказать, что магія не во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ собой пустое занятіе, какъ думаютъ о ней послѣдователи Епикура и Аристотеля, что она, напротивъ, по свидѣтельству знатоковъ этого дѣла есть точное и положительное искусство, покоящееся на извѣстныхъ основахъ и правилахъ, которыя доступны только очень не многимъ посвященнымъ людямъ. Опираясь на данныя магіи, онъ утверждаетъ, что такія имена, какъ Адонай, Саваофъ и другія, которыя еврейскій народъ хранить съ большимъ уваженіемъ, имѣютъ въ своемъ основаніи неслучайныя и тварныя вещи, а нѣкоторое таинственное богословіе, возводящее духъ человѣка къ творцу вселенной. „Вотъ почему, замѣчаетъ онъ,—эти имена, если они произносятся *въ надлежащемъ и свойственномъ имъ порядкѣ и послѣдовательности*, имѣютъ особую силу“. Такое заявленіе Оригена о мистическомъ значеніи еврейскихъ именъ не случайно; по словамъ его уже современные ему языческіе экзорцисты вплетали въ свои заклинанія имена Авраама, Исаака, Израиля ²⁾. Оригенъ напоминаетъ Цельсу, что—это имена еврейскіе и что они въ тоже время въ значительной степени распространены и въ таинственныхъ ученіяхъ египтянъ, приписывающихъ имъ нѣкоторую особую силу. Мало того: по ученію Оригена, не всѣ заклинательныя имена оказываютъ одинаковое дѣйствіе. „Одни имена, если произносятся по египетски, имѣютъ воздѣйствіе только на извѣстныхъ демоновъ, сила которыхъ простирается только на одни эти опредѣленные предметы; иныя имена, если они изречаются на персидскомъ языкѣ, имѣютъ силу уже надъ совершенно другими духами, такъ что оказывается, что демонамъ, обитающимъ на землѣ и получившимъ въ свой удѣлъ различныя мѣста усвоятся имена, соотвѣтственныя мѣстнымъ и племеннымъ нарѣчіямъ. При этомъ важно наблюдать, чтобы заклинательная формула произносилась непременно на отечественномъ языкѣ, такъ какъ только въ такомъ случаѣ она производитъ то, что обѣщаетъ; переведенная же на другой языкъ она уже не производитъ

¹⁾ Противъ Цельса, 1, 60.

²⁾ *ibid.*, 1, 22.

такого дѣйствія и оказывается совершенно безсильной. „Значить,—справедливо заключаетъ Оригенъ,—та *внутренняя сила*, которая производитъ то или другое дѣйствіе, заключается не въ *самыхъ предметахъ*, обозначаемаыхъ именами, а въ *свойствахъ и особенностяхъ звуковъ*“. Магическое значеніе именъ выступаетъ здѣсь со всею ясностью. Любопытно, что уже гностики воспользовались во всей полнотѣ этимъ ученіемъ о магическомъ значеніи именъ. Такъ напр. Маркосіане, дѣйствовавшіе въ южной Галліи, при крещеніи произносили слѣдующую фразу: „васемá хамосси вазанора мистадіа руада куста вавофоръ калахфи“—для того, какъ замѣчаетъ Ириней, чтобы поразить не посвященныхъ ¹⁾). Очевидно, однако что они преслѣдовали не одну только эту цѣль; согласно магической наукѣ своего времени, они знали, что заклинанія имѣютъ силу лишь тогда, когда они произносятся на отечественномъ языкѣ. И самъ Оригенъ основывается лишь на общихъ положеніяхъ магической науки, когда онъ къ числу именъ, сила которыхъ заключается въ звукахъ, отнести и „имя нашего Іисуса“,—то имя, которое было очевиднымъ орудіемъ изгнанія многихъ демоновъ изъ душъ и тѣлъ ²⁾).

Въ этотъ міръ, болящій бѣсноватостью и жаждущій исцѣленія, вошло Евангеліе. „Острословили,—правильно замѣчаетъ А. Гарнакъ,—что оно сначала создало болѣзнь, но потомъ заявило, что исцѣляетъ ее; но насмѣшка, въ отдѣльныхъ случаяхъ справедливая, падаетъ въ главномъ и общемъ на голову насмѣшниковъ. Евангеліе содѣйствовало созрѣванію болѣзни, но для того, чтобы исцѣлить его. Оно нашло ее готовой и усилило своей проповѣдью. Но оно же и исцѣлило ее, и самая свѣжая фантазія едва-ли можетъ себѣ представить то, что сдѣлалось бы изъ древняго міра безъ церкви. Профессора, какъ Ливаній и его коллеги остались бы безсмертными, но народы живутъ не отъ крохъ, падающихъ со стола профессоровъ. Древній Римъ при исходѣ IV вѣка имѣлъ одного Симмаха, Востокъ только Синезія, но и тотъ былъ христіаниномъ“ ⁴⁾).

¹⁾ Contra Cels. 1, 25.

²⁾ Haer. XXI, 3.

³⁾ Cont. Cels., 1, 6.

⁴⁾ См. Гарнака. Религ.-нрав. осн. хр—ства (нашъ переводъ) стр. 63.

Для надлежащей оцѣнки того значенія, какое имѣли для древнѣйшаго христіанства заклинанія, нужно помнить, что, по вѣрѣ христіанъ ¹⁾, Самъ Сынъ Божій явился въ міръ для того, чтобы побѣдить сатану и его царство. Евангелисты, въ особенности Лука, всю жизнь Христа, начиная съ искушеній, описываютъ, какъ непрерывную борьбу съ сатаной. Въ евангеліи Марка повѣствуется, что приводили къ Нему многихъ бѣсноватыхъ, и Онъ исцѣлилъ ихъ, изгнавши многихъ бѣсовъ, причемъ запрещалъ имъ говорить, что Онъ—Христось (1, 34). О Маріи Магдалинѣ извѣстно, что изъ нея вышло семь бѣсовъ (Лк. 8, 2; Мр. 16, 9); среди тѣхъ знаменій, какія обѣщаны были вѣрующимъ, изгнаніе бѣсовъ поставлено на первое мѣсто, и наконецъ, изъ всѣхъ силъ, какія дарованы были ученикамъ, посланнымъ на проповѣдь, изгнаніе бѣсовъ оставило въ нихъ наибольшее впечатлѣніе. „Ученики, рассказываетъ ев. Лука, съ радостью возвратились и говорили: Господи и бѣсы повинуются намъ *о имени Твоемъ* (10. 17)“. Любопытно, что еще при жизни Христа, находились люди, изгонявшіе именемъ Его бѣсовъ, не имѣя на то полномочій. „Іоаннъ сказалъ по этому поводу Іисусу: учитель, мы видѣли человѣка, который *именемъ Твоимъ* изгоняетъ бѣсовъ..., и запретили ему, потому что онъ не ходитъ за нами. Іисусъ сказалъ: не запрещайте ему, потому что никто, сотворившій чудо именемъ Моимъ, не можетъ скорѣе злословить Меня; кто не противъ насъ, тотъ за насъ“,—и это явленіе повторялось въ послѣдующей исторіи. Книга Дѣяній рассказываетъ объ іудейскихъ заклинаніяхъ, которыя стали изгонять демоновъ изъ бѣсноватыхъ именемъ Іисуса, говоря: *заклинаемъ васъ Іисусомъ, котораго проповѣдуетъ Павелъ* (Дн. 19, 13), и псевдо-Киприанъ упоминаетъ, что и не-христіане много разъ исцѣляли бѣсноватыхъ именемъ Христа ²⁾.

Какъ заклинатели бѣсовъ, христіане вступили въ языческой міръ, и заклинаніе было важнѣйшимъ средствомъ не только для распространенія христіанства, но для укрѣпленія христіанъ въ ихъ собственной вѣрѣ. При той увѣренности въ вездѣприсутствіе демоновъ и ихъ всеобъемлющемъ влія-

¹⁾ Ср. Iustin., Ap. II, 1: „Логось. Сынъ Божій, сдѣлался человекомъ для сокрушенія демоновъ“.

²⁾ De rebapt. 7.

ни на міръ, исторію и жизнь человѣчества, какая одинаково раздѣлялась язычниками и христіанами во 2-мъ и 3-мъ вѣкахъ, даръ изгнанія бѣсовъ долженъ былъ имѣть весьма важное значеніе для распространенія христіанства. Для громадной массы обыкновеннаго язычества съ его грубыми суевѣрїями онъ являлся наиболѣе очевиднѣйшимъ доказательствомъ сверхъестественнаго могущества проповѣдуемаго христіанами Иисуса Христа, одно имя котораго приводило въ трепеть бѣсовъ и освобождало отъ нихъ одержимыхъ ими. Но и въ самихъ христіанахъ, въ дѣлѣ ихъ укрѣпленія ихъ вѣры и религіознаго самосознанія, этотъ даръ долженъ былъ оставлять сильное впечатлѣніе. Великая мысль, что въ обладаніи каждаго христіанина находится часть побѣды Христа надъ княземъ міра сего, воспитывало въ нихъ непоколебимую увѣренность въ правотѣ своихъ убѣжденій и укрѣпляло надежду на окончательное торжество надъ язычествомъ. Каждый фактъ экзорцизма, разсматриваемый отдѣльно, носилъ на себѣ печать драматизма и сообщалъ экзорцисту вѣчто импонирующее, производившее сильное впечатлѣніе не только въ исцѣляемомъ, но и въ окружающихъ зрителяхъ. Неудивительно, поэтому, что такія явленія, какъ свидѣтельствуемъ Тертуліанъ, въ большинствѣ случаевъ сопровождались обращеніемъ къ христіанству.

Древнѣйшія апологетическія сочиненія полны свидѣтельствъ объ этой силѣ духа, проявляемой христіанами надъ бѣсноватыми. Іустинъ философъ съ восторгомъ обращается къ язычникамъ съ слѣдующими словами: „Сынъ Божій сдѣлался человѣкомъ для уничтоженія демоновъ; вы можете убѣдиться въ этомъ, наблюдая за тѣмъ, что происходитъ на вашихъ глазахъ, потому что многіе изъ христіанъ исцѣлили большое число одержимыхъ во всемъ мірѣ и въ вашемъ городѣ (Римѣ) чрезъ зачатіе именемъ Иисуса Христа, тогда какъ ихъ не могли исцѣлить всѣ другіе заклинатели, чародѣи и врачи; они продолжаютъ исцѣлять ихъ и теперь, уничтожая и изгоняя демоновъ изъ одержимыхъ ими людей“ ¹⁾. Въ діалогѣ съ іудеемъ Трифономъ тотъ же Іустинъ пишетъ: „всякій демонъ, закливаемый именемъ Сына Божія..., побѣждается и преодолевается. Если вы сдѣлаете

¹⁾ Apol. II, 6.

заклинаніе всѣми царями, праведными, пророками и патриархами, какіе были у васъ, то и тогда демонъ не подчинится вамъ“ 1). Таціанъ свидѣтельствуесть, что иногда демоны бурю своей злобы потрясаютъ весь составъ тѣла нашего, но поражаемые словомъ силы Божіей со страхомъ удаляются и больной исцѣляется“ 2). Такого рода явленія, дѣйствительно и должны были сопровождать христіанскую проповѣдь, особенно въ самыхъ начальныхъ моментахъ ея. Тамъ, гдѣ грѣховная или праздная жизнь, почти уже подпавшая смерти, внезапно возбуждалась подъ вліяніемъ проповѣди миссіонера и ужасъ предъ силой зла часто переходилъ въ состояніе одержимости, тамъ благовѣстіе о милости Божіей, явленной въ Иисусѣ Христѣ, снова подавало миръ охваченной мракомъ душѣ и освобождало отъ узъ зла.

Но у христіанъ, современниковъ разсматриваемыхъ событій, даръ изгнанія бѣсовъ оцѣнивался не съ этой объективно-исторической точки зрѣнія 3); они главнымъ образомъ воспользовались имъ, какъ нагляднымъ доказательствомъ того положенія, что языческіе боги дѣйствительно суть демоны и что они сами признаютъ себя таковыми. „Обратимся къ фактамъ,—предлагаетъ Тертулліанъ язычникамъ,—и мы докажемъ, что боги и демоны имѣютъ одно и тоже достоинство; приведите на судилище кого-либо изъ вашихъ, о которомъ хорошо извѣстно, что онъ одержимъ духомъ и прикажите говорить любому христіанину,—духъ тотчасъ же сознается, что онъ демонъ и что иногда обманчиво выдаетъ себя за бога. Приведите также кого-либо изъ такихъ, которыя считаются у васъ богодухновенными, которыя, вдыхая воздухъ надъ алтарями, вмѣстѣ съ жертвеннымъ дымомъ будто бы воспринимаютъ въ себя божество и чрезъ вдыханіе дыма въ прерывистыхъ словахъ происходятъ предсказанія. Или пусть придутъ небесная дѣва, богиня дождя, даже самъ Эскулапъ, учитель леченія, возвратившій будто бы жизнь Сокордію, Танатію и Асклеіодоту, предназначеннымъ ли-

1) Dial., с. 68.

2) Orat., с. 16.

3) За исключеніемъ Тертулліана (Apol. гл. 37): „если бы не было насъ, кто бы освободилъ васъ отъ этихъ тайныхъ враговъ, разрушающихъ тѣлесное и душевное здоровье, а мы изгоняемъ ихъ безъ награды и безплатно“.

шиться ея въ другой разъ—если они не смѣя лгать предъ христіаниномъ, не признають себя демонами, то пусть прольется предъ трибуналомъ кровь этого безстыднѣйшаго христіанина. Что же еще можетъ быть представлено рѣшительнѣе этихъ опытовъ? что достовѣрнѣе этого свидѣтельства? Истина выступаетъ здѣсь со всею ясностью, опираясь на свою собственную силу... Поймите, что существуютъ только демоны, и ваши боги суть ничто иное; изслѣдуйте боговъ и они откроются вамъ, какъ демоны“. Но это еще не все. Демоны, опрашиваемые христіанами, не только признають себя за демоновъ, но и христіанскаго Бога исповѣдуютъ, какъ истиннаго. „Такъ какъ они боятся Христа въ Богъ и Бога во Христа, то подчиняются служителямъ Бога и Христа. Когда мы прикасаемся или дуемъ на нихъ, то, въ ужасѣ предъ уготованнымъ имъ вѣчнымъ огнемъ, они приходятъ въ трепеть и по нашему приказанію противъ воли, съ горечью и полные стыда, оставляють тѣла. Вѣрьте имъ, когда они говорятъ о себѣ истину, и не вѣрьте, когда лгутъ; никто не лжетъ къ своему собственному стыду... Такія свидѣтельства вашихъ боговъ обычнымъ слѣдствіемъ своимъ имѣють обращенія къ христіанству“ ¹⁾. На естественное возраженіе со стороны язычниковъ: если демоны дѣйствительно повинуются христіанамъ, то почему христіане оказываются безпомощными въ гоненіяхъ, воздвигнутыхъ ими противъ нихъ, Тертуллианъ отвѣчаетъ, что демоны безъ сомнѣнія во власти Христа, но, какъ негодные рабы, отъ страха переходятъ къ упрямству и радуются, что могутъ низлагать тѣхъ, которыхъ боятся... Издали они бьютъ насъ, вблизи убѣгаютъ. Они поступаютъ подобно возмущившимся рабамъ или бѣглымъ колодникамъ; возставая противъ насъ, во власти которыхъ находятся, ничѣмъ не вредятъ намъ, а только себѣ готовятъ ббльшую гибель“ ²⁾.

Туже тему и почти въ тѣхъ же словахъ обсуждаетъ и Минуцій Феликсъ въ своемъ „Октавіи“: „Сатурнъ, Сераписъ и Юпитеръ и прочіе обожаемые вами демоны, удручаемые скорбью, высказываютъ, кто они такіе, даже въ присутствіи нѣкоторыхъ изъ васъ, и не осмѣливаются солгать для при-

1) Apolog. с. 23.

2) Apolog. с. 27.

крытія своего безславія. Повѣрьте этимъ свидѣтелямъ, которые истину говорятъ вамъ о себѣ; заклинаемые именемъ единого истиннаго Бога, они приходятъ въ сильный трепетъ и или тотчасъ оставляютъ тѣла одержимыхъ ими или постепенно удаляются, смотря по вѣрѣ страждущаго и по желанію исцѣляющаго. Они страшатся приближенія христіанъ, хотя издали нападаютъ на нихъ посредствомъ вашихъ собраній“¹⁾. Апологетъ Теофилъ заявляетъ: „греческіе поэты говорили, будучи вдохновляемы нечистыми, и заблуждающимися духами. Это ясно изъ того, что одержимые, будучи заклинаемы во имя истиннаго Бога, много разъ прежде и даже въ настоящее время признаютъ себя лживыми духами—демонами, и притомъ демонами, которые ранѣе дѣйствовали въ поэтахъ. Такъ несомнѣнно, что при экзорцизмахъ нѣсколько разъ произносились имена Аполлона и музъ“²⁾. Даже около 250-го года Кипріанъ кареагенскій въ своемъ письмѣ къ Димитрію еще разъ говоритъ о христіанскихъ исцѣленіяхъ бѣсноватыхъ: „если ты желаешь слышать демоновъ и видѣть ихъ въ тотъ моментъ, когда мы, терзая ихъ духовными бичами, заклинаемъ и мучительными словами изгоняемъ изъ одержимыхъ ими тѣлъ; когда рыдая и стenea человѣческимъ голосомъ и ощущая бичи и удары божественнаго могущества, они исповѣдуютъ имѣющій прійти судъ. Приди узнай истину нашихъ словъ. Если ты такъ почитаешь боговъ, какъ говоришь, то повѣрь тѣмъ самымъ, кого чтить... Ты увидишь, какъ насъ будутъ умолять тѣ, кому ты молишься, будутъ бояться тѣ, которыхъ ты боишься,—увидишь, что подъ нашей рукой стонуть, какъ связанные, и задрожать, какъ плѣнные тѣ, предъ кѣмъ ты благоговѣешь и кого почитаешь, какъ владыкъ“³⁾.

Тертуллианъ высоко цѣнилъ эти факты. На ряду съ доказательствами изъ идеи древности священныя писанія, онъ указывалъ на нихъ, какъ на яснѣйшее свидѣтельство въ защиту истинности христіанства. „Мы изложили вамъ,—говоритъ Тертуллианъ въ заключеніе своего апологетика,—все наше положеніе, а въ томъ числѣ достоверность и древность

1) С. 27.

2) Ad Autol. II, 8.

3) Ad Demetr., 15.

божественныхъ писаній, и во-вторыхъ *господство надъ демонскою властью*“ 1). Безъ сомнѣнія, на грубую и суевѣрную массу этого рода явленія производили глубокое впечатлѣніе, но образованный классъ языческаго населенія едва-ли придавалъ какое-либо значеніе этимъ экспериментамъ надъ бѣсноватыми, психологическое объясненіе которыхъ очень просто. Лучшимъ свидѣтелемъ за это является Цельсъ: „чародѣи,—говоритъ онъ,—общаютъ еще болѣе чудныя вещи, а тѣ, которые получили образованіе въ египетской школѣ и производятъ подобное; это люди, которые за нѣсколько оболовъ 2) показываютъ чудеса свои на рынкахъ, *изгоняютъ демоновъ изъ бѣсноватыхъ*, исцѣляютъ болѣзни, вызываютъ души героевъ, предлагаютъ богатые обѣды, пирожное и сласти, несуществующіе въ дѣйствительности, и приводятъ въ движеніе безжизненныя вещи, какъ бы они были живыми. Неужели по этой причинѣ всѣхъ тѣхъ, кто производитъ подобныя дѣйствія, мы должны считать сынами Божиими?.. не должны ли мы скорѣе говорить, что подобнаго рода занятія свойственны только людямъ дурнымъ, имѣющимъ общеніе съ демонами“ 3).

4) Христіанскій экзорцизмъ имѣлъ свою исторію. Многочисленныя данныя древности показываютъ, что даръ изгнанія бѣсовъ первоначально принадлежалъ каждому христіанину, какого бы церковнаго положенія, общественнаго состоянія и пола онъ ни былъ. Іустинъ философъ въ своей бесѣдѣ съ іудеемъ Трифономъ безъ всякихъ ограниченій заявляетъ: „мы *втрүюще* въ распятаго при Понтіи Пилатѣ Іисуса Господа нашего, закликаемъ всѣхъ демоновъ и злыхъ духовъ и держимъ ихъ въ *нашей* власти“ 4). Ириней всѣмъ истиннымъ христіанамъ приписываетъ силу давать слѣпымъ

1) Arol., с. 46.

2) Мѣдная монета въ 4 к.

3) Противъ Цельса 1, 68. Оригенъ, конечно, отвергаетъ этотъ упрекъ; онъ указываетъ вообще на то, что чудеса Христа имѣли свою цѣлю моральное улучшение человечества и, во вторыхъ, что христіанскіе экзорцисты не примѣняютъ никакихъ искусственныхъ средствъ, довольствуясь призываніемъ одного имени Іисуса. Но ученіе его о магическомъ значеніи именъ, не смотря на это различіе, отнюдь не устраняетъ общей обинякъ имъ почвы въ воззрѣніи на характеръ заклинаній.

4) Dial., с. 76.

зрѣніе, глухимъ слухъ и *изгонять демоновъ*, укоряя еретическія общества въ отсутствіи у нихъ такихъ даровъ ¹⁾. Наибольше подробныя свѣдѣнія даетъ Тертулліанъ; мы уже видѣли, что онъ предлагаетъ язычникамъ призвать какого-нибудь христіанина, чтобы произвести экспериментъ надъ бѣсноватымъ, и къ Скапулѣ пишетъ: „мы каждый день побѣждаемъ и преодолѣваемъ демоновъ, изгоняя ихъ изъ людей, какъ это извѣстно очень многимъ ²⁾); изъ другихъ его выражений видно, что демоновъ изгоняли всѣ христіане, кто бы они ни были по званію: ремесленники, кушцы или воины ³⁾. Также и женщины обладали даромъ изгнанія духовъ ⁴⁾. Всѣ эти свидѣтельства относятся къ Западу, но то же было и на Востокѣ. Оригенъ утверждаетъ, что не малое число даже простыхъ христіанъ изгоняетъ демоновъ, причемъ имя Іисуса производитъ дѣйствіе надъ демонами, даже когда оно произносится порочными людьми ⁵⁾. Имена нѣкоторыхъ восточныхъ экзорцистовъ сохранились и въ исторіи: такъ Евсевій кесарійскій знаетъ мученика Романа, который одновременно соединялъ въ себѣ обязанности діакона и экзорциста ⁶⁾); акты мученическіе также упоминаютъ двухъ восточныхъ заклинателей—чтеца и герменевта Прокопія въ Скинополисѣ и мірянина Агаѳона въ Александріи ⁷⁾. Но самыя интересныя свѣдѣнія о восточныхъ экзорцистахъ передаетъ Аѳанасій александрійскій: „не должно хвалиться,—говоритъ онъ въ жизни Антонія ⁸⁾,—силою изгонять бѣсовъ... и уничижать того, кто не изгоняетъ; пусть каждый поучается подвижничеству другого; пусть или подражаетъ или соревнуетъ ему или исправляетъ его; творить знаменія не отъ насъ зависитъ, а есть дѣло Спасителя“. Приведенныя слова Аѳанасія даютъ возможность представить положеніе восточ-

1) Противъ ересей II, 2.

2) Ad Scap., с. 2.

3) De Idolol. с. 2, de corom., 2.

4) Vita Euphrasiae. in vit. Patr., с. 29. Къ началу 3-го вѣка это явленіе уже было не слыханнымъ въ церкви. Тертулліанъ пишетъ: „сами еретическія женщины, какъ онѣ смѣлы! Онѣ осмѣливаются учить, спорить дѣлать экзорцизмы (De praescr., с. 40)“.

5) Contr. Cels. I, 6. 7.

6) О палестинскихъ мученикахъ, гл. 2.

7) Ruinart, Acta mart. selecta. I, 353, 387.

8) Vita Antonii, с. 38.

ныхъ экзорцистовъ въ началѣ IV вѣка въ слѣдующемъ видѣ. Опредѣленныхъ правилъ для изгнанія демоновъ не существовало; каждый экзорцистъ имѣлъ свой *ἀρχή* —приемы. Христіанамъ совѣтуется слѣдовать тому методу, который представляется наиболѣе успѣшнымъ, подражать приемамъ другихъ экзорцистовъ и, если нужно, улучшать ихъ. Очевидно, въ началѣ IV вѣка дѣло изгнанія демоновъ принадлежало еще личной инициативѣ. Оно было высшимъ дарованіемъ доступнымъ каждому христіанину. Кто чувствовалъ его въ себѣ, тотъ и называлъ себя экзорцистомъ и дѣйствовалъ, какъ экзорцистъ.

Но въ такомъ свободномъ положеніи экзорцитетъ оставался недолго. Съ одной стороны по мѣрѣ возрастанія числа вѣрующихъ и постепеннаго пониженія религіознаго рвенія о нравственности самыя харизматическія дарованія начали исчезать и число экзорцистовъ уменьшаться,—съ другой и злоупотребленія, вкравшіяся въ институтъ экзорцистовъ, о которыхъ рѣчь пойдетъ ниже,—все это создавало благоприятныя условія для того, чтобы епископская власть протянула все болѣе захватывающую свою руку и на эту область свободного сужденія мірянина. Процессъ этого подчиненія экзорцистовъ епископской власти происходилъ медленно и постепенно. Сначала повидимому, экзорцисты составили собой болѣе или менѣе отграниченный отъ прочихъ мірянъ кружокъ, стоявшій близко къ клиру т. е. группѣ людей, выдѣленныхъ отъ прочихъ мірянъ и находившіяся въ особыхъ отношеніяхъ къ епископу, но еще не входившія въ составъ его. Лустинъ философъ, признававшій въ своемъ разговорѣ съ Трифономъ даръ изгнанія духовъ принадлежащимъ всѣмъ христіанамъ, въ Апологіи говоритъ только о *многихъ* вѣрующихъ, практиковавшихъ заклинаніе бѣсовъ ¹⁾. Псевдо-Климентъ приписываетъ христіанамъ власть надъ демонами лишь постольку, поскольку они чисты отъ грѣховъ ²⁾. Болѣе опредѣленные свѣдѣнія о положеніи экзорцистовъ въ западной церкви даетъ посланіе папы Корнилія къ антиохійскому епископу Фабію о схизмѣ Новата, падающее на половину 3 го вѣка, гдѣ заклинатели упомянуты

¹⁾ Апол. II, 6.

²⁾ Ном. 9, 19.

послѣ 42 прислужниковъ въ ряду чтецовъ и привратниковъ (всего 52 ¹⁾). Такъ какъ ни привратники, ни прислужники не принадлежали собственно къ клиру, то ясно, что заклинатели въ половинѣ 3-го вѣка еще не составляли определенной церковной должности, но являлись тѣсно замкнутой коллегией, входящей въ составъ церковныхъ людей, подчиненныхъ епископу. Впрочемъ, окончательное зачисленіе ихъ въ клиръ здѣсь произошло очень быстро. Уже римскій исповѣдникъ Лукіанъ въ письмѣ къ Кипріану карфагенскому причисляетъ экзорциста къ клиру ²⁾. Въ надписяхъ, открытыхъ де-Росси и относящихся къ 3-му столѣтію они значатся, какъ особый разрядъ клира рядомъ съ пресвитерами, а на соборѣ въ Арлѣ 314 года экзорцисты выступаютъ уже, какъ особый клировой чинъ, и въ подписяхъ занимаютъ послѣднее мѣсто вслѣдъ за чтецами. Таже судьба постигла экзорцистовъ и на Востокѣ, хотя и нѣсколько позднѣе. Въ началѣ IV вѣка, какъ мы видѣли, даръ изгнанія демоновъ принадлежалъ каждому христіанину, чувствовавшему въ себѣ внутреннее призваніе къ тому. Апостольскія постановленія говорятъ уже объ ограниченномъ кружкѣ заклинателей: „нѣтъ надобности значится здѣсь, чтобы каждый вѣрующій изгонялъ бѣсовъ..., но только тотъ, кто сподобился этого дарованія ³⁾. Въ качествѣ членовъ клира восточные экзорцисты въ первый разъ выступаютъ въ правилахъ Лаодикійскаго собора. 25-е правило этого собора запрещаетъ совершать заклинаніе въ церквахъ и частныхъ домахъ людямъ, „не произведеннымъ (*μὴ προσημίτασ*) отъ епископа“. Личная инициатива была, такимъ образомъ, запрещена, и въ 29 правилѣ того же собора экзорцисты значатся на ряду съ прочими членами клира послѣ чтецовъ и пѣвцовъ. Къ половинѣ IV вѣка они всѣ, повидимому, вошли въ составъ клира. 10-е правило Антиохійскаго собора даетъ поводъ думать, что заклинатели считались необходимыми членами клира не только городскихъ епископій, но и сельскихъ (хорепископій), причемъ они продолжали занимать тоже низшее

¹⁾ Евс. ц. и. VI, 13.

²⁾ Письмо 23.

³⁾ Апост. Пост. VIII, 1.

мѣсто послѣ чтецовъ и иподьяконовъ ¹⁾). Униженное положеніе, которое заняли въ клирѣ экзорцисты,—эти бывшіе свободные харизматики,—уже само по себѣ показываетъ излишество и какъ бы ненужность этого званія и соединенныхъ съ нимъ дѣйствій при новыхъ порядкахъ, наставшихъ въ церкви со времени обращенія императора Константина въ христіанство, и исчезновеніе экзорцистовъ даже изъ клира пошло быстрыми шагами. Вновь открытій памятникъ „Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа“, относящійся къ концу IV или началу V вѣка, уже не знаетъ ни экзорцистовъ, какъ особой группы людей, ни самаго дарованія ²⁾. Заклинаніе здѣсь производитъ самъ епископъ въ великую субботу предъ началомъ крещенія. Явленія бѣсноватости еще наблюдались въ этотъ моментъ. „Если,—говорится здѣсь,—когда епископъ произноситъ заклинаніе, кто-нибудь, придя въ возбужденное состояніе, вдругъ поднявшись заплачетъ или закричитъ или станетъ испускать пѣну и скрежетать зубами, или, выйдя изъ себя, захваченный быстрымъ натискомъ убѣжить, то дьяконы пусть скрываютъ это въ тайнѣ, чтобы не произвести общаго безпорядка ³⁾“. Въ настоящее время—роль экзорциста, какъ извѣстно, исполняетъ каждый священникъ предъ крещеніемъ, и такъ какъ заклинаніе произносится надъ бессмысленнымъ ребенкомъ, то понятно, что никакихъ пароксическихъ явленій при этомъ не бываетъ.

Измѣнялся и самый способъ заклинанія. Въ древнее время, въ вѣкъ харизматиковъ исцѣляла не формула, но духъ, не заклинаніе, но заклинатель. Нужна была твердая и святая воля, чтобы дать миръ душѣ, одержимой ужасомъ предъ демономъ и объятой властью тьмы. Какъ это можно видѣть изъ многихъ намековъ древнихъ писателей, первоначальные

¹⁾ Ср. Wieland. Die genetische Entwicklung der sog. Ordines minores, Rom. 1897, Kraus, Real-Encyclopädie d. christl. Alterthümer. Freiburg, 1880, Binterim. Die vorzuglichsten Denkwürdigkeiten der christ.—kath. Kirche, Mainz 1 Th. и нашъ отдѣлъ объ экзорцистахъ: А. Гарнакъ „Религиоз.-нравств. основы, стр. 75—79.

²⁾ Харизмы исцѣленія и званія языковъ, однако, извѣстны были въ вѣкъ составленія „Testamentum“. См. Testamentum Domini nostri Jesu Christ. nunc primum edidit, latine redidit et illustravit Ignatius Ephraem 11 Rahmani. patriarcha antiochenus. Maguntiae. 1899, Стр. 109.

³⁾ Testamentum, р. II, р. 82.

экзорцисты въ своихъ формулахъ довольствовались лишь упоминаніемъ имени Іисуса или имени Божія, и этого одного достаточно было, чтобы получить вполне удовлетворительный результатъ. Сила духа, какой они въ совершенствѣ обладали, предоставляла въ распоряженіе ихъ могущественное средство противъ одержимости, и одно ихъ приказаніе, произнесенное со властью, возстановляло нормальное состояніе больного. Но уже съ половины второго вѣка, когда харизматическія дарованія стали убывать въ христіанскомъ обществѣ, наблюдаются новые признаки показывающіе, что святая воля и твердое приказаніе въ дѣлѣ экзорцизма стали уступать назадъ и на мѣсто ихъ выдвигаться болѣе сложныя формулы. Іустинъ философъ, говоря о современныхъ ему экзорцистахъ, выражается такъ: „всякій демонъ, заклинаемый именемъ Сына Божія, рожденнаго отъ Дѣвы, ставшаго подобострастнымъ человѣкомъ и распятаго при Понтіи Пилатѣ и умершаго, и воставшаго изъ мертвыхъ ¹⁾“. Полагаютъ, что въ приведенныхъ словахъ Іустина краткѣ содержится именно та формула, какою пользовались заклинатели его времени при изгнаніи демоновъ, и это предположеніе подтверждается прямымъ свидѣтельствомъ Оригена при которомъ дѣло еще болѣе осложнилось: „сила экзорцизма,—говоритъ онъ,—заключается въ призваніи имени Іисуса Христа съ чтеніемъ евангельскихъ разсказовъ о Немъ ²⁾“. Насколько можно судить изъ отрывочныхъ извѣстій древности, дальнѣйшее развитіе христіанскаго экзорцизма пошло въ этой области по двумъ различнымъ линіямъ: одни, продолжая по-прежнему только пользоваться именемъ Іисуса, придавали ему уже чисто магическій характеръ, такъ что оно производило дѣйствіе даже тогда, когда произносилось порочными людьми. Другіе же экзорцисты, напротивъ, подражая языческимъ заклинателямъ, стали обращаться къ больнымъ „въ блестящихъ и длинныхъ рѣчахъ, хорошо обработанныхъ и выученыхъ ³⁾“, „сочиняли“ отвлѣчъ заимствованныя краси-

1) Dial., с. 86, Важнѣйшимъ мѣстомъ въ заклинательной формулѣ считалось по-видимому, упоминаніе о крестной смерти Христа (см. Dial., сс. 30, 43, 76).

2) Cont. Cels. 1, 6.

3) См. псевдо-Климентово письмо о дѣвствѣ 1, 12.

вья рѣчи ¹⁾“. Церковные писатели горячо возстали противъ этой послѣдней крайности, но дѣлу экзорциста не помогли. Уже выдѣленіе экзорцистовъ въ особую часть клира, послѣдовавшее на Западѣ и на Востокѣ, показываетъ, что исцѣленіе обсноватыхъ изъ харизматическаго дарованія, нѣкогда свойственнаго всѣмъ христіанамъ, постепенно обращалось въ профессиональное занятіе, къ которому способны были только немногіе. Борьба съ демонами становилась все труднѣе и труднѣе, и совѣты церковныхъ писателей по адресу экзорцистовъ позднѣйшаго времени даютъ ясное свидѣтельство о томъ, къ какимъ сложнымъ мѣрамъ требовалось прибѣгать для того, чтобы достигнуть сколько-нибудь удовлетворительнаго результата. Старецъ Аѳанасія предлагаетъ экзорцистамъ читать уже все Св. Писаніе ²⁾, а псевдо-Климентъ пишетъ: „пусть исцѣляютъ больныхъ постомъ, молитвою и постояннымъ бордствованіемъ ³⁾. За дѣло экзорцизма взялась, наконецъ, церковная іерархія, сначала епископы, а потомъ пресвитеры, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый экзорцистъ обратился въ простой обрядъ и формальность, не лишенную, правда, своей доли мистицизма и драматизма, но потерявшую тотъ великій смыслъ и значеніе, какое онъ имѣлъ въ древнѣйшее время христіанства. Даръ изгнанія демоновъ, впрочемъ, не исчезъ окончательно изъ церкви, но онъ сдѣлался спорадическимъ явленіемъ и обратился въ исключительную привиллегію отшельниковъ, пустынниковъ и прочихъ чудотворцевъ.

А. Спасскій.

---

1) Аѳанасій Алекс. въ письмѣ къ Марцеллину, гл. 38.

2) *ibid.*

3) Псевдо-Климентъ, о дѣвствѣ, тамже.